

БЕЗ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА-91 НИКТО НЕ СМОГ БЫ РАЗВАЛИТЬ СССР

Свидетельские показания М.С.Горбачева, данные под присягой на заседании Верховного суда РФ 7 июля 1994 года

...Этот суд пытаются превратить в политический процесс против экс-президента, а заодно представить захват власти патриотической акцией. Людей пытаются ввести в заблуждение, но делается это все в расчете на простаков. Правда, таких и немало.

Я не хочу их обвинять за иногда обидную для меня реакцию, которую, в том числе мне, пришлось почувствовать и сейчас.

Но как же все эти трагические события начинались?

Срыв подписания нового Союзного договора - это дело рук ГКЧП. Более того, события, предшествовавшие августу, лишний раз убедили меня, что если мы будем продолжать реагировать на подобные преступления, как на фарс, у нас будут следовать перевороты один за другим. Мы уже пережили заговор в Беловежской пуще, который доконал после августовского переворота единый Союз. Затем мы пережили кровавые события 3-4 октября, когда на наших глазах расстреляли парламент, а по сути дела, нас с вами, всю страну.

Так мы никогда не состоимся как страна, где каждый будет чувствовать себя гражданином, если будущее страны будут определять очередные переворотчики.

Обо всем этом я должен был сказать для того, чтобы пояснить свои сомнения перед явкой в суд.

Путчисты, выдавая себя за патриотов СССР, фактически способствовали развалу Союза. И движущим мотивом их действий было не сохранение великого государства, а сохранение своих должностей и привилегий.

...К середине августа 1991 года Союзный договор, рожденный в тяжких муках, был готов к подписанию. Одни считали, что этот договор провоцирует развал Союза, так считали, например, и участники августовского заговора. Другие утверждали, что договор призван сохранить империю. Вот в такой обстановке, при расколоте обществе, при наличии очень сложной ситуации необходимо было найти тот вариант документа, при подписании которого обеспечивалось сохранение страны, государства, а уже тогда искать пути выхода из кризиса, в котором мы

оказались.

И еще. К этому времени мы уже имели антикризисную программу кабинета Павлова. Она уже была принята Верховным Советом, и, что особенно важно, ее рассмотрели все республики. Двенадцать республик программу приняли безоговорочно, из прибалтийских одна республика присоединилась, две заявили о своем участии в Программе без ее подписания.

Обо всем этом я говорю, потому, как вне контекста времени трудно понять и произошедшие в августе события.

24-25 июля состоялся пленум Центрального Комитета партии.

Что на нем обсуждалось? Главным образом проект новой Программы. Партия уже раскололась на несколько течений внутри себя, по меньшей мере, на три крупных течения. Необходимо было принимать решение. Сколько раз меня подталкивали с леворадикальной стороны: бросьте, оставьте пост Генерального секретаря, надо раскалывать компартию, она мешает проведению реформ. Но я понимал, что собою представляла КПСС в наших условиях: это все общество, это костяк общества, это структура, которая своими корнями доходит вплоть до детского сада, уже не говоря о производстве и научных коллективах. И ломка этой структуры означала уничтожение страны.

Далее после августовского путча, когда меня унижали публично на российском Верховном Совете, когда один из депутатов потребовал выдворить коммунистов из страны, я ответил ему, что до этого не додумался далее большой мозг Сталина - до выдворения восемнадцати миллионов человек и их семей. И Ельцину, требовавшему запрещения компартии, я ответил, что он может запретить деятельность организаций, сотрудничавших с гэкачепистами, но при чем здесь миллионы рядовых коммунистов? Они были и такими останутся. Коммунистическая идея жила до нас, при нас, и после нас существовать будет. Иначе мы должны будем раздавить людей и покончить с тем самым инакомыслием, которое является неотъемлемым элементом демократии.

Большие мои надежды были связаны с новой Программой партии. Думал, что в ноябре-декабре мы придем к внеочередному съезду, и это даст нам возможность цивилизованно, в рамках партийного процесса размежеваться. Кто-то поддержит новую Программу, кто-то останется при старой, кто выйдет вообще из партии. Но это было необходимым условием для неустойчивости страны.

В условиях критической ситуации, которая складывалась с декабря

1990 года (события в Вильнюсе, апрельский пленум, требования отставки президента) мы пришли к принятию документа, способного стабилизировать общество и страну. Запускались, таким образом, очень важные механизмы, которые помогли бы нам удержать страну от крушения, продолжить реформы. И это как раз и не устраивало тех, кто не мог рассчитывать в рамках демократических процедур удержаться в прежних креслах. Они не верили, что им удастся выиграть предстоящие выборы, а значит, и пошли на антиконституционный переворот.

Члены ГКШ1 и их сообщники настаивают на своей правоте, это их право. Более того, считали и считают, что их позицию разделяло большинство общества. Но если бы дело обстояло именно так, то почему бы им было не собрать съезд, выдвинуть свои требования и предоставить возможность депутатам решить: кто прав, а кто не прав, кого оставить на своих постах, а кого попросить их освободить? К тому же съезды собирались регулярно, и всегда имелась возможность созвать внеочередной.

Возникает вопрос, почему же они на это не пошли? Мое мнение таково. Попытка свергнуть президента на съезде народных депутатов в декабре 1990 года провалилась. Провалился и заговор с целью замены генерального секретаря в апреле 1991 года. Не удалась и попытка, предпринятая в июне того же года, когда на сессии Верховного Совета выступил Павлов с требованием предоставить ему чрезвычайные полномочия, а на закрытом заседании Крючков, Язов и Пуго попытались нагнать страху на депутатов россказнями о положении в стране. И тем не менее Верховный Совет не согласился с их претензиями и принял свои решения.

И вот тогда, когда им не удалось демократическим путем доказать свою "правоту", они пошли на антиконституционный переворот, на захват власти. Не останавливаясь и перед обманом общества, тем самым толкнув страну в путч.

Я твердо убежден в том, что в 1991 году поворот назад был невозможен, слишком серьезные перемены произошли в обществе, в том числе и в армии да и в силовых структурах.

Кстати, и тогда, и после их возвращения из Фороса Лукьянов сказал своим помощникам-юристам Иванову и Рубцову, затеяли путч авантюристы, они толкают страну в пропасть.

С самого начала было ясно, что переворот обречен. Об этом я сказал и посланцам ГКЧП 19 августа 1991 года в Форосе, когда мне предъявлял

три ультиматума.

Таким образом, путчисты сорвали конституционный процесс реформирования Союза.

Ельцин воспользовался результатами путча, чтобы расколоть СССР, а затем и ликвидировать его.

После августовских событий все республики в течение нескольких дней заявили о своей независимости. Этому способствовали, кстати, и шаги Президента Российской Федерации, который даже после возвращения президента Союза из Фороса еще на протяжении долгих дней издавал указы, обязывающие к подчинению союзные структуры. Мне пришлось вмешаться, состоялся серьезный разговор, и только тогда издание подобных указов прекратилось. Но это подтолкнуло республики к суверенитету, поскольку из России им явно пытались навязать свою волю. Россия брала на себя право командовать и управлять всеми, не считаясь ни с чем.

Я свидетельствую, что утверждение генерала Варенникова и других лиц, причастных к делу ГКЧП, что новый Союзный договор означал, якобы, развал страны, искажает реальную картину событий...

Для меня главным является следующее. Заключение нового Союзного договора было реальной альтернативой развалу Союза...

Путчисты утверждают, что подготовленный к подписанию договор расходился с результатами проведенного весной референдума. Подобное пришлось на днях услышать даже в Государственной Думе.

Зачитаю лишь отдельные фрагменты сообщения Центральной комиссии по проведению референдума о единстве СССР.

Казахская ССР. Голосование на референдуме проводилось по вопросу, сформулированному Верховным Советом республики: считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как союза равноправных суверенных государств?..

Далее. Наряду с общесоюзным референдумом в России избиратели должны были ответить на вопрос: считаете ли вы необходимым введение поста президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием? Всем ясно, каков статус этой республики в Союзе, и та роль, что могла быть уготована ее президенту.

И наконец, на Украине вопрос был поставлен еще хлеще.

В день общесоюзного референдума Верховный Совет республики предложил свой вопрос: согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских Суверенных государств на основе Декларации о

государственном суверенитете республики? Форма вопроса, предлагавшегося Верховным Советом СССР, очень трансформировалась.

Я хочу напомнить, что, когда решался вопрос о референдуме, всячески пытался его заволокитить и не поставить на голосование Лукьянов. А справа от меня сидел Ельцин, который был категорически против вообще референдума. И когда все же Съезд поставил этот вопрос на голосование и поддержал проведение референдума, и раздались бурные аплодисменты, Ельцин¹ взял ручку и со злостью бросил ее под стол.

Вот вам реальная картина. Один сидит с этой стороны, другой - с этой, а надо было вместе идти к подписанию нового Союзного договора.

Для чего собирался Совет безопасности после апрельского референдума?

Уже с учетом результатов проведенного референдума нам пришлось обсуждать дальнейшие действия. Тогда, 10 апреля, собрался Совет безопасности, об этом сейчас никто не упоминает. На нем мы попытались решить сложившуюся ситуацию. Если заниматься серьезной политикой, надо считаться с тем, что происходит в реальной жизни. Так вот, Совет безопасности предложил мне проявить инициативу в проведении встречи президентов республик. Так развивались события в последний год перед путчем.

Союзный договор, подготовленный командой Горбачева, давал шанс СССР, а всем гражданам - двойное гражданство. Тогда не было бы беженцев в своем Отечестве.

Подписание договора обеспечивало разумный политический баланс между интересами республик и центрального союзного руководства. Подписание договора 20 августа означало бы сохранение и обновление единого государства, Федерации. Это первый и основной принцип договора. Подписание договора означало бы и сохранение союзного гражданства, что было закреплено отдельным пунктом. Гражданин государства, входящего в Союз, являлся бы одновременно и гражданином Союза - ст.2 договора. Новый Союзный договор означал бы сохранение и развитие единого союзного рынка.

Сохранялись бы единые (не «Объединенные»!) Вооруженные Силы. Это бы мне хотелось особо подчеркнуть здесь, на заседании военной коллегии Верховного суда. Обеспечивались бы государственная безопасность Союза, единая внешняя политика Союза (Ст.ст.5, 6, 14 проекта договора).

Сохранение, обновление, реформирование Союза было моей главной

политической, нравственной, если хотите, задачей на посту президента СССР. Считаю, что самой моей большой бедой, горестью является то, что страну не удалось сохранить единой. На сохранении единства были сосредоточены все мои устремления, а опорой я находил в воле народа, выраженной подавляющим большинством на референдуме. Кстати, напомню еще раз, что этот референдум состоялся по моей инициативе, вопреки активному сопротивлению.

Любое "чрезвычайное положение" - это покушение на свободу и демократию.

И еще одно очень важное обстоятельство проливает свет на принципиальное отличие моей позиции, основанной на сохранении единого Союза, и позицией участников ГКЧП. Весь мой политический и государственный опыт подсказывал, что сохранить Союз можно на демократической, конституционной основе. Я исходил из того, что следует стремиться к созданию правового государства и не следует втягивать армию в решение внутривнутриполитических споров и разногласий. Не случайно в проекте нового Союзного договора было четко сказано, что не допускается втягивание войск Министерства обороны СССР внутри страны, кроме их участия в решении неотложных народнохозяйственных задач, в ликвидации последствий стихийных бедствий и экологических катастроф. А также в случаях, предусмотренных законодательством о введении чрезвычайного положения.

Я считал и считаю, что чрезвычайное положение - это мера крайне нежелательная, опасная, чреватая столкновениями и человеческими жертвами. Моя задача состояла в том, чтобы мирным путем, без крови обеспечить создание правового государства. Эта моя позиция особенно укрепилась во время известных событий в Тбилиси. Я исходил из того, что введение чрезвычайного положения может иметь место лишь в крайних случаях, да и то только в полном соответствии с законом. Поэтому я поддержал принятие закона о чрезвычайном положении, которого у нас в стране никогда не было ранее. На этом я стоял твердо и решительно, кто бы ни упрекал меня в мягкотелости и нерешительности.

В конечном счете первенство закона, демократический и конституционный ход реформ для меня был и остается приоритетным.

Вот в этом и состоит коренное отличие моей позиции и позиции тех, кто, пытаясь оправдаться различными мотивами, идет на ложь и произвол, на грубое беззаконие, на насильственное навязывание собственной воли народу...

Почему путчисты от раскаяния и покаяния перешли к агрессивному обвинению!

Я должен сказать, что во. всех письмах, которые имеются и в распоряжении суда, вплоть до декабря 1991 года проходящие по делу ГКЧП каялись, все просили о пощаде.

Кроме письма Крючкова ко мне, я готов передать суду, который при желании может приобщить их к делу, и другие письма, написанные по горячим следам и отличающиеся искренним раскаянием .

Хотел бы особо подчеркнуть, как бывший Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР, что большинство военачальников не пошли на поводу к антиконституционным действий «гекачепистов». Отказавшись выполнять преступные приказы, они внесли большой вклад в восстановление законной власти. Об этом я говорю для того, чтобы подчеркнуть, что позиция, которую занял Варенников Валентин Иванович, не отражала позиции большинства военнослужащих .ГКЧП пытался опереться на вооруженные силы, а не получив от них поддержки, потерпел поражение.

Не помогла ГКЧП и лживая ссылка на мнимую болезнь президента.

Я могу вспомнить, вернее, констатировать, что в результате действий ГКЧП было нарушено с трудом достигнутое равновесие политических сил в обществе...

Я еще раз утверждаю: развал Союза не был неизбежен. Участники Беловежской пуци сейчас пытаются утверждать, что он был неминуем. На этом же построена и мотивация своего преступления членами ГКЧП.

Теперь нам необходимо уже с учетом новых реальностей собирать новый Союз. В преподнесенных нам уроках мы должны найти понимание того, как должны сейчас действовать.